

исторической необходимости и практической политики диаметрально расходятся. «Революция объяснила идеи, — пишет Карамзин в программной статье 1802 г., — мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти... что все смелые теории ума... должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума» (II, 268—269).

На первый взгляд суждения Карамзина могут показаться выражением типично охранительного мировоззрения: лучше «самое турецкое правление», чем революция, какое бы то ни было государственное потрясение. Однако на фоне общеевропейского кризиса буржуазного радикализма конца XVIII в.⁹ русская просветительская мысль должна была неизбежно, хотя, может быть, и несколько приглушенно, отразить те идейные противоречия, которые породила революционная эпоха. Остро чувствующий эти противоречия, Карамзин отнюдь не ставит точку на том, что учрежденный порядок есть благо. Ощущение глубокой трагичности конкретных форм исторического бытия становится его убеждением.

С этим духовным опытом, с критически трезвым взглядом на вещи Карамзин вступил в новую эпоху, эпоху коренных пересмотров, трагических итогов, эпоху, поставившую невиданные по глубине и сложности проблемы. Уяснить их предстояло не только с позиций русского общества, но в соотнесенности с европейской жизнью. Это определило масштаб осмысления социально-политических, философских и исторических проблем, освещенных на страницах карамзинского журнала «Вестник Европы».

Итак, мыслители XVIII в., в том числе Руссо, «предвидели» революцию, но ее результаты и последствия они предвидеть не могли. Перерождение республиканской Франции в империю Наполеона заставляло рассматривать и современный мир как движение истории, как воплощение извечных и непостижимых для человеческого разума законов необходимости, а главное неподвластных субъективной человеческой воле. Реально складывающиеся политические формы государственности все более воспринимаются Карамзиным как конкретное осуществление закона необходимости.

⁹ См.: *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 265. Как показывают современные исследования, даже наиболее успешную американскую революцию сопровождали явления кризисного характера. См.: *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976, с. 251—269.